

А.Л. Погодин, В.С. Реймонт

Из холмского края
Впечатления и заметки

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Л. Погодин**
Из холмского края: Впечатления и заметки / А.Л. Погодин, В.С. Реймонт – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 112 с.

ISBN 978-5-517-96233-1

ISBN 978-5-517-96233-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1. „МИССИЯ“.

Господинъ Р. чрезвычайно оживился и воскликнулъ:

— Да вѣдь я же самъ участвовалъ въ этой послѣдней мисси, и такъ она глубоко врѣзалась въ мою память, что я могу рассказать вамъ о ней съ мельчайшими подробностями. Но только, чтобы вы могли имѣть болѣе полное представление о томъ, какъ жилось униатамъ передъ указомъ о вѣротерпимости, я сообщу вамъ прежде всего одинъ довольно характерный случай...

— Пасха въ этомъ году приходилась на начало апрѣля и совпадала съ православной. Помню, что въ Великую Пятницу съ самаго утра моросилъ дождь и было холодно. Во рвахъ еще лежали снѣга, папши окончательно размокли, дороги стояли непроходимыя. У меня было отвратительное настроеніе, потому что дурная погода, видимо, принимала затяжной характеръ, а тутъ, въ довершеніе всего, приходитъ мой кузнецъ и просить, чтобы я послалъ лошадей по ксендза, къ его болѣной женѣ.

— Что случилось? Вѣдь я видѣлъ ее еще вчера вечеромъ во время удоя.

— Ночью она заболѣла. Теперь ужъ совсѣмъ кон-

чается,—продолжалъ кузнецъ и теръ при этомъ глаза рукавомъ.

— Такъ идите къ барынѣ. Можетъ быть, она какъ-нибудь поможетъ.

— Да боимся, потому, можетъ быть, оспа.

Я перепугался не на шутку; вѣдь оспа въ деревнѣ свирѣпствовала всю зиму.

— А, можетъ быть, вамъ привезти доктора?—предлагаю я серьезнымъ тономъ.

Онъ какъ-будто поразился, даже ротъ разинулъ. Да вдругъ какъ бросится въ ноги ко мнѣ, цѣлуетъ руки и бормочетъ испуганный:

— Нѣтъ, нѣтъ, только есендза! Докторъ не поможетъ! Какіе тамъ доктора? Посмотрить, постукаетъ, пропишетъ лѣкарство, деньги возьметъ, а болѣзнь оставить. Господь Богъ вѣрнѣе поправитъ. Баба хнычетъ, только есендза просить.

Тогда я пошелъ въ конюшню, чтобы выбрать четверку: до приходской церкви было добрыхъ четыре мили да еще по грязи. Но, когда я проходилъ мимо конюшни, показалось мнѣ, будто въ глубинѣ сѣней стоитъ кузничиха и кормитъ поросятъ. Я на нее налетѣлъ, какъ она при такой болѣзни выходитъ на холодъ. А она какъ-то странно улыбнулась, позвала меня въ избу и, закрывши двери, сказала мнѣ тихонько на ухо:

— Пошлите, баринъ, за есендзомъ ради Бога. Очень-очень нужно.

Говорила она такъ настойчиво, и глаза ея при этомъ такъ блестяли, что я былъ убѣжденъ, что она бредитъ.

— Я, слава тебѣ Господи, здорова!—отвѣчала она.— Но только ко мнѣ одной и можно позвать есендза, по-

тому что ивъ всѣхъ дворовыхъ я одна законная католичка.

— Да кто же боленъ?—Я начиналъ догадываться, въ чемъ тутъ дѣло.

— Въ деревнѣ лежатъ четверо, почти кончаются. Не могутъ же они умереть безъ святой исповѣди, а записаны въ православные, такъ ксендзу нельзя къ нимъ прѣѣхать. Что же, такъ и оставить четыре невинныя души безъ святого причастія? Съ недѣлю ужъ мучаются, съ недѣлю ужъ не могутъ помереть, а все ноютъ, да ноютъ, просятъ ксендза. Просто страшно смотреть и слушать. Вотъ я и придумала: притворюсь больной, Господь Богъ проститъ меня; ксендзъ ко мнѣ прѣѣдетъ, а тѣхъ-то принесутъ на это время въ избу, и они исповѣдуются. Стражники ни о чемъ и не догадаются.

— Какъ же вы хотите оспу въ избу внести?—закричала я на нее.

— Безъ Божьей воли ни одинъ волосъ не упадетъ,— отвѣтила она серьезно.

— Да вѣдь у васъ маленькія дѣти, они легко могутъ заразиться,—толковалъ я.

— Ну, что жъ дѣлать? Можетъ быть, Исусъ Христосъ на чемъ другомъ окажетъ намъ свое милосердіе, а этимъ несчастнымъ надо помогать. Вѣдь не о пустякахъ идетъ рѣчь, о спасеніи душъ человѣческихъ!— Эти слова она добавила съ такой силой убѣжденія, что я уже перестала уговаривать ее и послала лошадей за ксендзомъ.

Въ сумерки больныхъ принесли въ избу къ кузничихѣ и положили просто на полу. Кузничиха вложила имъ въ руки зажженные свѣчи, стала по срединѣ на колѣни и принялась усердно молиться за умирающихъ,

которые лежали неподвижно, терпѣливо поджидая исповѣди, разрѣшенія грѣховъ и смерти.

Я видѣлъ это собственными глазами и никогда этого не забуду.

Поздно вечеромъ прїѣхалъ еседзъ, а за нимъ тутъ какъ тутъ, какъ всегда, стражники, чтобы слѣдить за нимъ, не захнесъ бы онъ часомъ какого-нибудь религіознаго утѣшенія „упорствующимъ“. Обнюхивали все время подъ спущенными занавѣсами, да ничего не вынюхали. Еседзъ приготовилъ умирающихъ къ смерти и уѣхалъ.

Всѣ эти больные въ ту же ночь и померли.

А дня два спустя умерли отъ оспы и двое дѣтей кузнечихи.

Тяжко она заплатила за свое милосердіе, но она приняла этотъ ударъ съ какимъ-то воодушевленіемъ и послѣ самыхъ похоронъ сказала моей женѣ:

— Померли мои дѣточки, померли... да зато своей смертью выкупили отъ вѣчной гибели четыре души.

Вскорѣ послѣ отъѣзда еседза и его ангеловъ-хранителей, когда все въ домѣ успокоилось, пошелъ я въ свою контору и, только что зажечь лампу, кто-то стукнулъ въ окно, и за стекломъ мелькнуло чье-то лицо.

Я взялъ револьверъ и вышелъ на крыльцо. У дверей стоялъ какой-то человѣкъ. Онъ заглянулъ мнѣ въ самое лицо и зашепталъ:

— Завтра ночью миссія!

— Гдѣ?

— Въ самый полдень подѣдетъ къ корчмѣ телѣга на сивой лошади. Ѣхать на ней будутъ два мужика. Вы, баринъ, присоединитесь къ нимъ, они проведутъ.

— Откуда вы?—спросилъ я невольно.

— Со всего свѣта!—отвѣтилъ онъ очень рѣзко.

Я усиленно упрашивалъ его, чтобы онъ вошелъ въ домъ и немного отдохнулъ.

— Не пришла пора. Я долженъ будить тѣхъ, которые еще спять,—сказалъ онъ какимъ-то библейскимъ тономъ.

— А можно взять на миссію жену?

— Далекъ слишкомъ для барыни. Да притомъ женщины легче умереть, чѣмъ сохранить секретъ.

Онъ собирался уходить.

— Подождите хоть до разсвѣта. Вѣдь ночь темная, грязь страшная.

— Я знаю тутъ каждый ровъ, а кто спѣшитъ съ доброй вѣстью, не заблудится! И то я ужъ опоздалъ: все ждалъ, когда уѣдутъ стражники и ксендзъ.

— А пробоицъ будетъ на миссіи?

— Это не нашъ, это такъ себѣ: обыкновенный приходскій пошукъ!

Это опредѣленіе въ его устахъ поразило меня, но не успѣлъ я отозваться, какъ онъ уже ушелъ. Я слышалъ только шлепанье ногъ по грязи и повизгиваніе собакъ, которыя провожали его что-то ужъ очень дружески.

А на слѣдующій день, въ самый полдень, одѣвшись соотвѣтственнымъ образомъ, чтобы не обращать на себя вниманія, я велѣлъ заложить въ телѣжку сильную рабочую лошадь и поѣхалъ. Передъ корчмой стояла телѣга, запряженная сивой лошадыю, а въ ней сидѣли два крестьянина. Какъ только я доѣхалъ до нихъ и хотѣлъ ихъ миновать, они двинулись впереди меня, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Дороги были ужасныя, въ рытвинахъ, похожихъ на русла болотистыхъ рѣчекъ. Плелись мы шагъ за шагомъ, объ-

взвжая деревни и дѣлая такіе выкрутасы, что нѣсколько времени спустя я совершенно пересталъ ориентироваться въ мѣстности.

Вопреки моимъ предположеніямъ, день былъ очень хорошъ, настоящій весенній день. Свѣтило солнце, распѣвали жаворонки, ярко сверкали воды, широко разлившіяся на лугахъ, а мѣстами, на болѣе теплыхъ участкахъ, уже поднимались озими.

Передъ какой-то огромной деревней, надъ которой поднимались зеленые купола церкви, мои проводники приостановились, и одинъ изъ нихъ закричалъ мнѣ:

— Въ концѣ деревни, по правой рукѣ, послѣдняя изба.

Они свернули на боковую дорогу, а я смѣло въѣхалъ въ деревню.

На дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой стояли дома, была масса лужъ; здѣсь стоялъ предпраздничный шумъ, возились собаки, провожавшія меня ожесточеннымъ лаемъ. Передъ церковью, передѣланной изъ костела, стоялъ стражникъ, который смотрѣлъ на меня такъ пристально, что я невольно ударилъ по коню возжами. Я замѣтилъ также, что изъ многихъ домовъ въ поля выѣзжали телѣги съ плугами и боровами, и это показалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что деревенскія поля лежали въ низинѣ, и между бороздъ еще повсюду стояла вода. У одного дома, на кучѣ, бревенъ сидѣли два крестьянина, и, когда я миновалъ ихъ, они поднялись съ мѣста, бросили мнѣ короткое привѣтствіе и двинулись за мной. Деревня тянулась на двѣ версты, и, когда я наконецъ очутился на выѣздѣ и началъ разыскивать глазами послѣднюю избу, одинъ изъ крестьянъ, идущихъ за бричбой, сказалъ вполголоса:

— Стражникъ идетъ за вами. Нужно свернуть направо, проѣхать мимо избы, а завернуть за постройками около забора!—и прошелъ, не останавливаясь ни на одинъ мигъ.

Я свернулъ на бокъ. Узкая дорожка, тѣсно засаженная вербей, шла мимо большого дома, стоящаго въ такой чащѣ, что сквозь деревья едва виднѣлись выбѣленные стѣны и крыша.

Я незамѣтно оглянулся: стражникъ притаился на поворотѣ дороги, внимательно слѣдя за мной изъ-за деревьевъ, а крестьяне шествовали одинъ за другимъ по направленію къ недалекому лѣсу.

Я подѣхалъ ближе, высматривая уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ какой-нибудь вѣздъ. Но весь этотъ домъ казался мнѣ какимъ-то заброшеннымъ. На окнахъ были спущены соломенные шторы; двери были заперты, а ворота въ заборѣ закрыты на колодку, и, хотя я громко погонялъ коня и хлопалъ бичомъ, никто не показывался, даже собака не залаяла. И только, когда я свернулъ за амбаръ, вдругъ открылись какія-то ворота и снова захлопнулись, едва я вѣхалъ въ нихъ, а старый сѣдой крестьянинъ который впустилъ меня, добродушно сказалъ:

— Коня можно поставить подъ сараемъ.—И пошелъ себѣ, не обращая на меня больше никакого вниманія.

Здѣсь уже стояло нѣсколько сытыхъ мериновъ. Я пошелъ торопливо въ домъ. Въ комнатѣ было почти темно; окна со спущенными шторами давали очень мало свѣта, но въ красноватомъ отблескѣ камина я разсмотрѣлъ человѣкъ десять слишкомъ, которые сидѣли у стѣны. Однако, никто со мной не поздоровался, какъ будто моего прихода не замѣтили, только о чемъ-то еще

тише зашептались между собой, и я почувствовал, что на меня устремились испытующіе, недоувѣрчивые взоры. Пробовалъ я завязать разговоръ. Отвѣчали очень неохотно, чтобы только отдѣлаться. А когда я сталъ довольно настойчиво спрашивать о мисси, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ нетерпѣливо:

— Когда придетъ пора извѣстно будетъ.

Только женщина, видя мое неловкое положеніе, объяснила имъ, кто я такой.

Ко мнѣ потянулись твердыя ладони, кто-то подбросилъ въ огонь вѣтокъ, пламя вспыхнуло и озарило всю комнату, и я могъ лучше приглядѣться къ присутствующимъ. Однако, я никого изъ нихъ лично не зналъ; зато я хорошо зналъ этотъ богатырскій типъ, эти суровыя и полныя доброты лица, эти безбоязненно смотрящіе глаза, эти мученическія головы „упорныхъ“.

— Посторонній, пожалуй, и не попалъ бы сюда!— сказалъ я, здороваясь съ каждымъ отдѣльно.

— А все-таки нужно быть осторожными. Злой человекъ, какъ вонь, всюду пролѣзетъ.

— Иногда собственной тѣни нужно бояться.

— Нѣтъ, трудно уберечься. Мало ли тутъ за каждымъ упорствующимъ этихъ ловцовъ душъ.

— Дня два тому назадъ вынюхали Михайла Климука изъ Вишницы!

— Что случилось?—отозвались встревоженные голоса.

— А взяли его! Это, баринъ, видите ли, за католическую свадьбу!—обратился ко мнѣ рассказчикъ. Онъ еще весной справлялъ ее въ Краковѣ. Вернулись: такъ она, — а она родомъ изъ другой гмины, — какъ будто нанялась къ мужу въ служанки, и жили себѣ, какъ

Господь Богъ велѣлъ. А тутъ вдругъ однажды ночью стражники и спалили ихъ вмѣстѣ, перетрясли всю избы, даже доски сорвали съ крыши, и напши-таки свадебную метрику! Какъ имъ тутъ сразу досталось, одному Богу извѣстно. Ее связали, какъ барана, и погнали въ гмину отдать отцу, а его повезли въ уѣздъ. А теперь велеть имъ второй разъ вѣнчаться, въ церкви!

— Пожалуй, онъ на это не согласится,—вставилъ я.

— О, это человѣкъ изъ твердаго дерева. Мать его такъ обращали изъ уни, что она умерла, а отецъ и до сихъ поръ сидитъ гдѣ-то въ Сибири. Это упорствующій изъ упорствующихъ. Знаютъ это отлично, и солоно онъ заплатитъ за свою свадьбу, всякаго горя нахлебается.

Разговорились. Потихоньку, почти невольно, спокойно и безъ жалобъ, безъ криковъ и стоновъ, начали исповѣдываться передо мной въ своихъ обычныхъ, будничныхъ заботахъ, въ обычныхъ, будничныхъ, систематическихъ издѣвательствахъ надъ ними; стали рассказывать о штрафахъ, которые они платили за все: за крещеніе ребенка и за некрещеніе его, за похороны, совершаемыя ночью, украдкой, за свадьбы и исповѣди, за одинъ только входъ въ костель; говорили о постоянныхъ мукахъ, преслѣдованіяхъ, странствованіяхъ по судамъ, комиссіямъ и тюрьмамъ, о вѣчныхъ и напрасныхъ поискахъ справедливости, объ этихъ безконечныхъ ночахъ, проведенныхъ въ слезахъ, и объ этихъ дняхъ постоянного страха, тревоги и страданій.

Я и раньше зналъ ихъ жизнь, но, когда я внималъ этимъ тихимъ, монотонно печальнымъ рассказамъ, исполненнымъ непрерывной борьбы, невѣдомыхъ подвиговъ, непоколебимой вѣры и безграничнаго самоотверженія,

мнѣ казалось, что кучка христіанъ изъ эпохи Діоклетіана рассказываетъ мнѣ свою кровавую, потрясающую исторію...

Но тѣ умирали только за вѣру, а эти гибнуть и за родину.

И каждый изъ нихъ такъ жилъ, каждый такъ страдалъ и каждый такъ же боролся въ продолженіе всей жизни.

А вѣдь та борьба тянулась долгіе, долгіе годы и безъ всякаго перерыва, безъ всякаго милосердія. Цѣлыя деревни исчезли съ лица земли, цѣлыя роды погибли, цѣлыя поколѣнія отдали всю свою кровь и всю свою жизнь, но зато оставшіеся не уступили, не стали просить помилованія, а забытые, осмѣянные, бѣдные, презрѣнные, овѣянные ужасомъ покинутости боролись дальше, безъ отдыха, все время съ тѣмъ же самымъ мужествомъ, одинаково не сдающіеся и одинаково непобѣдимые.

Я сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи; изъ этихъ рассказовъ сочлились слезы; отъ нихъ подымался кровавый паръ, и, казалось, весь домъ наполнился тихими рыданьями, когда кто-то громко сказалъ:

— Только не было бы еще хуже! Тяжко, страшно тяжело!

— Выдержали столько времени, выдержимъ и еще, пока Господу Иисусу угодно будетъ...

— А, можетъ быть, переменится! Рассказываютъ, что послѣ войны съ японцемъ настанутъ хорошія времена.

Стали говорить, строя несмѣлыя, пугливыя надежды. Бесѣда скоро перешла на войну. Начали спрашивать меня о подробностяхъ, спрашивали такъ на-